

Ю. И. Семенов

ЛЬЮИС ГЕНРИ МОРГАН: ЛЕГЕНДА И РЕАЛЬНОСТЬ

(К 150-летию со дня рождения)

Никогда еще 1818 год не был так тесно связан в нашем сознании с именем Карла Маркса, как сейчас, когда все прогрессивное человечество только что торжественно отметило 150-летие со дня рождения величайшего мыслителя, основоположника научного коммунизма, вождя мирового пролетариата. Но этот год вошел в историю общественных наук как год рождения не только Маркса. 21 ноября 1818 г. по ту сторону океана, в США, появился на свет человек, с которым Маркс никогда лично не встречался и не сталкивался, о существовании которого ему стало известно лишь в самые последние годы жизни, но имя которого тем не менее навсегда и теснейшим образом оказалось связанным с именем основоположника марксизма. Этим человеком был Льюис Генри Морган, автор «Древнего общества» — книги, которой классики марксизма дали самую высокую, можно даже сказать восторженную, оценку.

«Относительно первобытного состояния общества,— писал Ф. Энгельс в 1884 г.— существует книга, имеющая решающее значение, такое же решающее, как Дарвин в биологии; открыл ее, конечно, опять-таки Маркс: это — Морган, «Древнее общество», 1877 год. Маркс говорил об этой книге, но я тогда был занят другим, а он к этому больше не возвращался; он, очевидно, был доволен таким оборотом дела, потому что, судя по очень подробным выпискам из этой книги, сам хотел ознакомить с ней немцев»¹. Замысел, выполнить который Марксу помешала смерть, осуществил его верный друг и соратник.

«Нижеследующие главы,— подчеркивает Ф. Энгельс в предисловии к первому изданию своего классического труда «Происхождение семьи, частной собственности и государства»,— представляют собой в известной мере выполнение завещания. Не кто иной, как Карл Маркс собирался изложить результаты исследований Моргана в связи с данными своего — в известных пределах я могу сказать нашего — материалистического изучения истории и только таким образом выяснить все их значение. Ведь Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет назад и, руководствуясь им, пришел, при сопоставлении варварства и цивилизации, в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс»².

Великую заслугу Моргана перед наукой классики марксизма видели прежде всего в открытии им первоначальной основы доклассового общества, его исходной ячейки. Как впервые убедительно было показано великим американским ученым, ею является материнский род. «Это вновь

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 36, стр. 97.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 25.

сделанное открытие первоначального рода, основанного на материнском праве как стадии, предшествовавшей основанному на отцовском праве роду культурных народов, имеет для первобытной истории,— писал Ф. Энгельс,— такое же значение, как теория развития Дарвина для биологии и как теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии... Всякому ясно, что тем самым открывается новая эпоха в разработке первобытной истории. Род, основанный на материнском праве, стал тем стержнем, вокруг которого вращается вся эта наука...»³.

Чем глубже знакомился Ф. Энгельс с «Древним обществом», тем больше пробуждался у него интерес к автору одного, по его словам, «из немногих произведений нашего времени, составляющих эпоху»⁴. Человек, сумевший сделать не только одно из крупнейших открытий XIX в. в области конкретных наук, но и самостоятельно прийти к материалистическому пониманию истории, и наконец, закончить свой труд коммунистическими выводами по отношению к современному ему буржуазному обществу, не мог быть заурядной личностью. Однако сколько-нибудь полно удовлетворить свой интерес к Моргану Ф. Энгельс так и не смог, хотя и пытался. «На обратном пути из Нью-Йорка,— писал он в предисловии к четвертому изданию «Происхождения семьи, частной собственности и государства»,— в сентябре 1888, я встретился с бывшим депутатом конгресса от Рочестерского избирательного округа, знавшим Льюиса Моргана. К сожалению, он мог рассказать мне о нем немного. Морган жил в Рочестере как частное лицо, занимаясь лишь своей научной работой. Брат его, полковник, служил в Вашингтоне, в военном министерстве; при содействии брата ему и удалось заинтересовать правительство своими исследованиями и издать несколько своих работ на государственные средства; мой собеседник в то время, когда он был депутатом конгресса, тоже, по его словам, неоднократно хлопотал об этом»⁵.

Мы находимся сейчас в лучшем положении, чем Ф. Энгельс. Уже к началу 1930-х годов был накоплен значительный материал к биографии Л. Моргана, состоявший в основном из воспоминаний, очерков, статей разных лиц, а в 1931 г. к пятидесятилетию со дня смерти великого ученого в Чикаго вышла первая фундаментальная работа, посвященная его жизни и деятельности,— книга Б. Стерна «Льюис Генри Морган. Социальный эволюционист»⁶.

Каким именно предстал перед читателями Л. Морган во всех этих воспоминаниях, очерках, книгах, можно наглядно видеть на примере опубликованной в 1933 г. брошюры М. О. Косвена «Л. Г. Морган. Жизнь и учение» — первой и пока единственной на русском языке работы о великом этнографе. Основное внимание М. О. Косвен обращает на анализ учения Моргана, уделяя его биографии всего лишь две страницы. Но они интересны тем, что содержат квинтэссенцию всего того, что было написано о личности Моргана за предшествующие полвека.

Мы узнаем, что «после окончания колледжа в 1840 г. Морган занимался изучением права и в 1844 г. вступил в адвокатуру, поселившись в г. Рочестере. Со временем он приобрел хорошую практику, специализировавшись главным образом по железнодорожным делам. В 1855 г. Морган сам сделался участником компании по постройке железной до-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 223.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 26.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 225.

⁶ B. J. Stern, Lewis Henry Morgan. Social evolutionist, Chicago, 1931.

роги, затем одним из директоров этой дороги, а также акционером железных рудников... Морган не принадлежал к типу нарочитых стяжателей, типу money makers, «делателей денег». Однако, действуя через посредство одного такого финансиста, он, не без осторожности, вкладывал свои средства в разные предприятия и с течением времени нажил довольно крупное состояние... Морган был — внешне, по крайней мере — ревностным приверженцем пресвитерианской церкви и вместе с тем ярким ненавистником католицизма. Одним из его самых близких и долголетних друзей был пастор, преподаватель колледжа, Мак-Ильвен, оказывавший на Моргана большое влияние... Политическая деятельность Моргана была кратковременной и довольно неудачной. В сессию 1861 г. он был выбран членом нижней палаты штата Нью-Йорк, но ничем себя не проявил. В 1868 г. был избран сенатором, но уже в следующем году забаллотирован. В своей политической ориентации он держался скорее правого направления... Не чужд был Морган делу народного образования... Морган умер 17 декабря 1881 г. в Рочестере... Такова канва жизненного пути Моргана. Если бы это было все, что можно сказать о Моргане, перед нами была бы жизнь крупного американского буржуа, почти ничем не отличающегося и не выдающегося над уровнем своего времени и своего класса. Но Морган прожил еще одну, другую, особым путем прошедшую жизнь — жизнь научного исследователя и искателя»⁷.

Приведенная выше характеристика Моргана как человека отличается от содержащихся в книге Б. Стерна и других работах, пожалуй, лишь тем, что в последних нет никаких оговорок относительно религиозности Моргана. Если М. О. Косвен допускает возможность, что рьяная приверженность Моргана к церкви была лишь внешней, то Б. Стерн категорически утверждает, что великий ученый всю жизнь считал христианство высшей истиной, что религия всегда была одним из его первейших интересов и соответственно доминировала над всеми его научными исследованиями, которые он так никогда и не смог освободить от теологической основы⁸.

Утвердившееся за первые пятьдесят лет представление о Моргане как типичном американском буржуа XIX в., преклонявшемся перед капитализмом как лучшей из общественных систем, придерживавшемся весьма умеренных политических убеждений и уж во всяком случае далекого от каких бы то ни было революционных идей, является господствующим в американской науке и в настоящее время. Яркое выражение оно нашло в выступлениях ряда американских ученых на состоявшемся на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (август 1964 г.) симпозиуме по проблеме «Учение Л. Г. Моргана о периодизации первобытного общества в свете современной этнографии»⁹.

Но если действительно все обстоит именно так, то естественно возникает вопрос, каким же образом умеренный либеральный буржуа, да к тому же еще и ревностный христианин, смог подняться до материалистического понимания истории, как согласовать приписываемую Моргану приверженность к капитализму, как лучшей из всех систем, с тем фактом, что он «не только подверг цивилизацию — общество товарного производства, основную форму нашего современного общества, — такой

⁷ М. О. Косвен, Л. Г. Морган. Жизнь и учение, Л., 1933, стр. 5—7.

⁸ В. J. Стегн, Указ. раб., стр. 1, 22.

⁹ См. «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. 4, М., 1967, стр. 457—458, 505 и др.

критике, которая заставляет вспомнить о Фурье, но и высказался о грядущем преобразовании этого общества в таких выражениях, которые мог бы произнести Карл Маркс»¹⁰.

Большинство зарубежных этнографов и социологов отвечают на этот вопрос просто: Морган, по их мнению, никогда не был материалистом вообще и уж тем более он не придерживался и даже близко не подходил к материалистическому пониманию истории. Что же касается положения Ф. Энгельса о том, что Морган заново открыл материалистическое понимание истории, то оно, по их мнению, является либо результатом добросовестного заблуждения, либо намеренной фальсификацией. Так, например, уже Б. Стерн замечает, что труды Моргана, бывшего членом нового класса капиталистов и закрывавшего вследствие этого глаза на положение рабочих, не заслуживают тех толкований, которые дает им Ф. Энгельс, пытающийся найти в них что-то сходное со взглядами К. Маркса¹¹. Но наиболее решительная попытка опровергнуть материалистический характер воззрений Моргана на общество была предпринята в последнее время американским этнографом М. Оплером¹².

Он категорически утверждает, что из-за книги Ф. Энгельса ученые слишком долго смотрели на Моргана через кривые линзы материализма и детерминизма, в результате чего они имеют довольно смутное представление о его действительных взглядах¹³. «Но я,— пишет М. Оплер,— настаиваю, что нет никакого интеллектуального родства между Марксом и Морганом и что Морган не был материалистом в своей философии»¹⁴. «Философски говоря,— добавляет он,— я нахожу очень мало Моргана в Энгельсе и вовсе ничего от Энгельса в Моргане»¹⁵.

Буржуазные ученые пытаются любым способом сгладить впечатление от замечательных слов Моргана о том, что «гибель общества должна стать конечным результатом исторического поприща, единственной целью которого является богатство, ибо такое поприще содержит в себе элементы собственного разрушения. Демократизм в управлении, братство в общественных отношениях, равенство в правах, всеобщее образование будут характеризовать следующий высший социальный строй, к которому неуклонно стремятся опыт, разум, знание. Он будет возрождением, но в высшей форме, свободы, равенства и братства древних родов»¹⁶. Так, например, американский социолог Э. Констаг стремится доказать, что, говоря о следующем, высшем строе, который придет на смену современному, характеризующемуся погоней за собственностью и богатством, Морган имеет в виду не что иное, как... капитализм. Аргументация ее проста: будучи богатым капиталистом и буржуазным либералом, Морган заведомо не мог быть ни материалистом во взглядах на историю, ни сторонником какого-либо другого строя, кроме буржуазного. «Короче,— говорит она,— личные ценности Моргана были те, что и всякого либерала XIX в.: демократия в управлении, братство в обществе, равенство в правах и привилегиях и всеобщее образование для мужчин и женщин. Как Морган, богатый капиталист, либеральный патриот, член

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 225.

¹¹ В. J. Stern, Указ. раб., стр. 183.

¹² М. Е. Оплер, Integration, evolution and Morgan, «Current Anthropology», vol. 3, № 5, 1962; Reply by Morris E. Opler, «Current Anthropology», vol. 5, № 2, 1964.

¹³ Reply by Morris E. Opler, p. 112.

¹⁴ Там же, стр. 110.

¹⁵ Там же, стр. 112.

¹⁶ Л. Г. Морган, Древнее общество, Л., 1934, стр. 329.

местного отделения пресвитерианской церкви в течение всей своей жизни, защитник и капитализма и роли идей в истории — как этот Морган был бы изумлен, если бы увидел свои воззрения, представленные как материалистические, а «Древнее общество» включенным в основополагающую литературу марксизма»¹⁷.

Показать всю несостоятельность интерпретации, данной Э. Констас приведенному выше высказыванию Моргана, не составляет большого труда. Глубокий анализ «Древнего общества» не может не привести любого добросовестного исследователя к выводу, что Л. Морган фактически исходил в своих исследованиях из материалистического понимания, хотя его исторический материализм и был не сознательным, как у Маркса и Энгельса, а стихийным и поэтому непоследовательным, какое обстоятельство используют М. Оплер и Э. Констас¹⁸. Однако от их работ нельзя просто отмахнуться. Они лишней раз заставляют задуматься над резким противоречием между утвердившимся представлением об общественном лице Моргана и глубиной его научных открытий и выводов. Наличие этого противоречия не могли не заметить прогрессивные американские этнографы. Вот, например, что пишет Э. Ликок во введении к первой части вышедшего под ее редакцией издания «Древнего общества»: «Гуманист, либерал, временами даже борец против предрассудков, Морган тем не менее никогда не был революционером. Это ставит его в довольно странное, можно даже сказать курьезное, положение, ибо его материалистическая теория истории столь близка к той, которую создали Маркс и Энгельс, что «Древнее общество» было использовано как основа для энгельсовского «Происхождения семьи, частной собственности и государства». И вообще многое в работе Моргана тяготеет к социалистической ориентации. Он осуждает цивилизацию, всецело погруженную в «погоню за собственностью» и его прекрасное, полное силы высказывание, в котором он предрекает, что «человеческий ум возвысится до господства над собственностью», цитируется в заключении энгельсовской книги»¹⁹.

Но, констатируя наличие противоречия, Э. Ликок не дает ему никакого объяснения. А оно необходимо. Морган, каким он предстает во всей рассмотренной выше литературе, каким его считает и Э. Ликок, действительно — и в этом права Э. Констас — просто не смог бы прийти ни к материалистическому пониманию истории, ни к восхитившим Маркса и Энгельса выводам относительно капиталистического общества. Но неоспорим факт, что он к ним пришел. И объяснение может быть тут только одно: Льюис Генри Морган, автор «Древнего общества», не был таким, каким его изображают. Утвердившееся представление об общественном лице Моргана, несмотря на всю его кажущуюся вследствие бесконечного повторения очевидность, есть не что иное, как легенда. И оно действительно является легендой, причем такой, создание которой диктовалось определенными классовыми интересами.

Как ни пытались авторы воспоминаний, очерков, книг о Моргане представить последнего в виде дюжего либерального буржуа и истинно

¹⁷ «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. 4, стр. 457—458.

¹⁸ Подробнее о характере моргановского материалистического понимания истории см. нашу статью «Учение Моргана, марксизм и современная этнография», «Сов. этнография», 1964, № 4, а также выступления на симпозиуме по Моргану, опубликованные в «Трудах VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. 4.

¹⁹ См. L. H. Morgan, *Ancient society*, Edited with an introduction and annotations by E. V. Leacock, Cleveland and New York, 1963, p. IVI.

верующего христианина, однако приводимые ими же самими факты нередко свидетельствовали о прямо противоположном. А за последние тридцать пять лет, прошедших после выхода в свет работы М. О. Косвена, были введены в научный оборот новые материалы, которые заставляют совсем по-иному взглянуть на Моргана. Огромная заслуга в этом принадлежит американскому прогрессивному этнографу Л. Уайту, посвятившему изучению жизни и деятельности Моргана почти сорок лет. Им были впервые опубликованы «Извлечения из дневника путешествия Льюиса Генри Моргана по Европе», полевые дневники Моргана, а также другие материалы²⁰. Одновременно Л. Уайтом было написано значительное число работ, посвященных жизни и научной деятельности Моргана. Особого внимания заслуживает опубликованная им в 1944 г. статья «Позиция Моргана по отношению к религии и науке», в которой Л. Уайт раз и навсегда покончил с легендой о религиозности великого ученого²¹.

Не подлежит сомнению, что Морган сопровождал жену, отличающуюся религиозной экзальтированностью, на церковную службу. Действительно, среди его близких друзей числился пастор Мак-Ильвен, усиленно претендовавший на роль духовного наставника Моргана, его идейного руководителя. Но именно Мак-Ильвену мы обязаны совершенно прямыми и недвусмысленными свидетельствами о полном неверии Моргана. Как совершенно определенно явствует из писем Мак-Ильвена к Моргану, 30 лет своего знакомства он потратил на то, чтобы убедить ученого хотя бы один раз публично признать себя христианином, но все его усилия так и не увенчались успехом.

В этом отношении характерно его письмо к Моргану от 19 октября 1875 г., написанное спустя двадцать пять лет со дня начала их знакомства: «Я так до сих пор и не знаю, каких же именно взглядов Вы придерживаетесь на жизнь после смерти. Вы столь отпугивающе замкнуты на сей счет даже с Вашими лучшими друзьями (а это является большим пороком), что никто ничего не знает об этом. Значение всего этого таково, что я самым серьезнейшим образом желал бы увидеть Вас покорно верующим во Христа, признающим Христа до того, как мы умрем. И подлинным горем для меня является, что все до сих пор обстоит иначе»²². «Я очень боюсь,— пишет он Моргану 17 июля 1879 г.,— что пустые скептические авторы, с которыми мы оба знакомы, вытравили в Вас простую веру в Христа»²³. «Я желал бы,— читаем мы в его письме, написанном в самом конце 1879 г.,— иметь лучшие свидетельства того, что Вы верите во Христа»²⁴.

В своей речи, произнесенной над гробом Моргана, Мак-Ильвен задался целью создать впечатление, что Морган всегда всецело находился под его идейным влиянием и соответственно придерживался антиматериалистических и антидарвинистских позиций. Однако это находилось в таком противоречии с фактами, что выдержать до конца эту линию он

²⁰ «Extracts from the European travel journal of Lewis Henry Morgan», Ed. by L. A. White, «The Rochester Historical Society Publications», vol. XVI, Rochester, New York, 1937; L. A. White, (ed.), Pioneers in American anthropology. The Bandelier-Morgan Letters, 1873—83, 2 vols, Albuquerque, 1940; Lewis H. Morgan's, Journal of a trip to Southwestern Colorado and New Mexico, 1878, «American Antiquity», vol. 8, № 1, 1942; L. H. Morgan. The Indian journals, 1859—1862, Ed. by L. A. White. Ann Arbor, 1959.

²¹ L. A. White, Morgan's attitude toward religion and science, «American Anthropologist», vol. 46, № 2, 1944.

²² См. L. A. White, Указ. паб., стр. 225—226.

²³ Там же, стр. 226; В. J. Stegn, Указ. паб., стр. 22.

²⁴ L. A. White, Указ. паб., стр. 23—24.

так и не смог. Он никак не мог уйти от того обстоятельства, что ближайшими и интимнейшими друзьями Моргана были «скептические ученые», с которыми он состоял в постоянной переписке и которые никогда не упускали возможности «пренебрежительно и даже презрительно отозваться о христианстве». Что же касается самого Л. Моргана, то Мак-Ильвен должен был дальше с горечью признать, что ученый «никогда не был способен освободить свой ум от скептических затруднений настолько, чтобы признать Христа перед людьми, как мы все требовали от него, чтобы пойти на публичное признание своей веры»²⁵.

Напомним условия, в которых жил Морган: небольшой американский провинциальный город, где религиозность рассматривалась как первостепенный и необходимый признак респектабельности и добропорядочности; глубоко верующая жена, впадшая в состояние настоящей религиозной экзальтации после страшной трагедии, постигшей семью (в 1862 г. от скарлатины умерли обе дочери Моргана — двух и семи лет, а единственный сын, хотя и выжил, остался на всю жизнь дефективным); пастор Мак-Ильвен, имевший безграничное влияние на жену Моргана, которую он убедил, что причина их семейного несчастья коренится в неверии мужа, и использовавший ее как орудие давления на ученого. Поступать в этой обстановке так, как поступал Морган, мог только атеист. Считаясь с религиозными чувствами жены, не желая усугублять ее горя, Морган делал известные уступки ей и Мак-Ильвену, стремился не растревать раны, открыто не выражал своего неверия, однако, будучи до конца честным и принципиальным человеком, он не мог даже ради душевного спокойствия жены уступить ее и Мак-Ильвена требованиям и встать на путь лжи и лицемерия.

Подлинное отношение Моргана к попыткам Мак-Ильвена вмешаться в его научную работу однажды прорвалось в его письме к У. Ф. Гаррисону — издателю «Нэйшн» — по поводу опубликованной им там статьи «Священник как человек науки». Само письмо Моргана не сохранилось, но, судя по ответу Гаррисона, Морган не только с презрением отвергал религиозные бредни о сотворении мира, но и высказывал мнение, что священникам как людям совершенно некомпетентным в научных проблемах не к чему вмешиваться в дела ученых²⁶.

Кроме приведенных выше, есть и другие данные, свидетельствующие о неверии Моргана. Все они вместе взятые настолько убедительны, что в настоящее время ни один из серьезных исследователей не принимает всерьез утверждение о религиозности Моргана²⁷.

Но заслуга Л. Уайта не ограничивается тем, что он покончил с этой легендой. Он предпринял попытку поставить воззрения Л. Моргана в связь с теми историческими изменениями, которыми характеризовался XIX в. «Морган, — писал он в предисловии к вышедшему под его редакцией изданию «Древнего общества», — был сыном так называемой буржуазной революции, т. е. перехода от деревенской, земледельческой, аристократической системы к городской, промышленной, коммерческой системе со средним классом у власти. Он полностью принимал эту революцию и восхищался ее достижениями, как это видно из прочитанной им в 1852 г. лекции «Диффузия против централизации», содержащей самое полное изложение его социальной, политической и экономической

²⁵ J. H. McIlvaine, The life and works of Lewis H. Morgan, LL. D., an address at his funeral, «Rochester Historical Society, Publication Fund Series», vol. II, 1923, p. 58—59.

²⁶ См. В. J. Stern, Указ. раб., стр. 25.

²⁷ См., например, C. Resek, Lewis Henry Morgan. American scholar, Chicago, 1960, p. 51.

философии»²⁸. Как указывает Л. Уайт, Морган в этой лекции, а также в своих записках, дневниках и т. п. подвергает острой критике аристократические привилегии, наследственность власти и отстаивает принципы демократии и равенства²⁹.

Мысль Л. Уайта в принципе совершенно верна: генезис ни одного великого открытия в области общественных наук нельзя понять, не рассмотрев его социально-экономических и общественно-политических предпосылок. Чтобы понять, как появилась на свет одна из немногих книг своего времени, составившая эпоху, необходимо ознакомиться с эпохой, в которую она появилась. Но сам подход Л. Уайта к этому вопросу является слишком общим и неконкретным. Л. Морган жил не где-либо, а именно в Соединенных Штатах Америки, где у него и вызрели, причем опять-таки в определенное конкретное время, все основные идеи, нашедшие свое выражение в «Древнем обществе». Поэтому ограничиться утверждением, что Морган был сыном буржуазной революции, понимаемой в мировом масштабе, нельзя. Нужно обратиться к конкретной исторической реальности, и только тогда мы сможем понять, кем же был в действительности Л. Г. Морган и почему он смог прийти к материалистическому пониманию истории и к коммунистическим выводам в отношении современного ему общества.

Впервые с проблемой, интенсивная разработка которой, в конце концов, завершилась появлением «Древнего общества», Морган вплотную столкнулся в 1856—1859 гг.³⁰ В 1866 г. им была в основном завершена работа над монографией «Системы родства и свойства человеческой семьи», в которой был дан эскиз эволюции семейно-брачных отношений от состояния промискуитета через разные формы группового брака к моногамии. Труд был принят к опубликованию в 1868 г. и увидел свет в 1870 г.³¹ В промежутке между завершением работы над «Системами родства и свойства» и выходом их из печати Л. Морган изложил основные положения своей теории социального развития в длинном письме Дж. Генри, секретарю Смитсоновского института (1867 г.) и в «Предварительном решении проблемы происхождения классификационной системы родства»³². В дальнейшем идеи, изложенные в этих работах, получили глубокую разработку и окончательное оформление в «Древнем обществе», увидевшем свет в 1877 г.

Таким образом, временем вынашивания и претворения в жизнь замысла «Древнего общества» являются 1856—1877 гг. Чем же они ознаменованы в истории США? Тем, что были годами вначале подготовки, а затем развертывания и завершения буржуазно-демократической революции, первой фазой которой была гражданская война между Севером и Югом (1861—1865 гг.), а второй — Реконструкция США (1865—1877 гг.)³³.

²⁸ См. L. H. Morgan, *Ancient society*. Edited by L. A. White, Cambridge, Massachusetts, 1964, p. XXXVI.

²⁹ Там же.

³⁰ См. свидетельство самого Моргана, приведенное в статье: L. A. White, *How Morgan came to write «Systems of consanguinity and affinity»*, «Papers of the Michigan Academy of Science, Arts and Letters», vol. XLII, 1957, p. 259—268.

³¹ Lewis H. Morgan, *Systems of consanguinity and affinity of the human family*, «Smithsonian Institution. Contributions to Knowledge», vol. XVII, art. 2, 1870.

³² L. H. Morgan, *Conjectural solution of the origin of the classificatory system of relationship*, «American Academy of Arts and Science. Proceedings», VII (1865—68), 1868.

³³ О второй американской революции см.: А. В. Ефимов, *Очерки истории США*, М., 1958; Дж. С. Аллен, *Реконструкция. Битва за демократию в США. 1865—1876*, М., 1959; А. И. Блинов, *Критический период истории Соединенных Штатов. Реконструкция (восстановление Союза) США после окончания гражданской войны (1865—1877)*, Красноярск, 1957; е го же, *Период революционной диктатуры радикальных республиканцев во время Реконструкции США (1866—1868)*, Красноярск, 1960, и др.

К 50-м годам XIX в. дальнейшее существование рабовладельческой системы производства на Юге США пришло в вопиющее противоречие с потребностями экономического развития страны. Однако никакие реальные шаги к уничтожению этой системы не могли быть сделаны, пока центральная власть находилась в руках плантаторской олигархии и ее союзников. Нанести им поражение могла только широкая политическая коалиция, объединяющая промышленную буржуазию Севера и широкие фермерские и рабочие массы.

Важнейшим шагом в этом направлении было создание в 1854 г. республиканской партии. В ней не было полного единства. Если левое, радикальное крыло настаивало на принятии самых решительных мер против рабства вплоть до его отмены на всей территории США, то правое, либеральное не шло в своих требованиях дальше ограничения распространения рабства. Последнее вместе с требованием закона о гомстеде (бесплатного наделения поселенцев на Западе землей из государственного фонда) и вошло в общую программу республиканцев. Но даже это представляло собой опасность для рабовладельцев, ибо, как указывал К. Маркс, «ограничение рабства пределами его старой территории должно было, согласно экономическому закону, привести к его постепенному исчезновению»³⁴.

Победа республиканцев на президентских выборах в 1860 г. послужила сигналом к выходу рабовладельческих штатов из Союза и началу гражданской войны. Разгромить рабовладельцев было невозможно, не подняв против них широкие народные массы Севера и негров Юга. Однако ставшая у власти промышленная буржуазия Севера, опасаясь самостоятельного движения народа, долгое время не решалась вступить на революционный путь. Значительные круги ее не оставляли надежды рядом уступок добиться примирения с рабовладельцами. Только после крупных военных поражений давление нараставшего революционного движения масс рабочих и фермеров вынудило правительство Линкольна принять в 1862—1863 гг. решительные меры: было провозглашено освобождение негров, принят закон о конфискации имущества мятежников, введена всеобщая воинская повинность, проведены чистка командного состава армии и аресты пособников конфедератов на Севере. Конгресс утвердил закон о гомстеде.

Морган был не только свидетелем, но и участником развернувшейся в эти годы классовой борьбы. Его симпатии были совершенно четкими и определенными — он был всецело на стороне самых решительных и последовательных противников рабства. Как нам известно из воспоминаний, обычно мягкий и вежливый Морган в годы гражданской войны был непримирим в своей ненависти к мятежным рабовладельцам. Стремясь способствовать победе над мятежниками, он включился в активную политическую деятельность. В 1861 г. он был избран от республиканской партии в палату представителей штата Нью-Йорк. В 1862 г., когда по всей стране прокатилась волна митингов и демонстраций, участники которых требовали от правительства Линкольна перейти к революционным методам ведения войны, Морган публично выступил с призывом решительно покончить с мятежом, выкорчевать до основания его корни. «Я не верю, — говорил он, — что мятеж утихнет и Юг снова станет лояльным Союзу. Отчуждение его народа является абсолютным и полным и мы должны принять это как факт. Мы раскололись в каждом элементе национальной жизни. Размах мятежа и огонь ненависти, который полыхает по всему Югу, представляют доказательства, доста-

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 15, стр. 345.

точные и для самых колеблющихся. Мятежники против правительства должны поплатиться за свой акт безрассудства и преступления своими привилегиями, своими землями и своими домами, их нужно изгнать сильной рукой с каждого дюйма американской территории... Эта война должна вестись до тех пор, пока все корни мятежа не будут полностью вырваны и раздавлены»³⁵.

В результате перехода Севера к войне по-революционному к весне 1865 г. армии Юга были разгромлены. Но с окончанием войны проблемы, вызвавшие ее, не были еще окончательно разрешены. Они теперь предстали перед обществом прежде всего как вопрос о том, каким образом должна быть проведена реконструкция (восстановление) Союза, каковы должны быть формы возвращения в него отколовшихся штатов и их будущее устройство. Плантадоры и их союзники среди буржуазии, интересы которых представляла демократическая партия, стремились к возможно более полной реставрации старых порядков на Юге. Не было единства и среди республиканцев. Вынужденная в годы войны вступить на революционный путь промышленная буржуазия всегда была во власти опасений, как бы народные массы не зашли слишком далеко в своем движении, и всегда поэтому была готова при первой возможности сойти с него. В связи с этим окончание гражданской войны неизбежно привело к поправению промышленной буржуазии.

Происшедшие сдвиги в расстановке классовых сил нашли свое выражение в политике президента Джонсона, занявшего этот пост после убийства Линкольна (апрель 1865 г.). В результате претворения в жизнь разработанной им программы Реконструкции власть в южных штатах к концу 1865 г. снова оказалась в руках плантаторской олигархии. По всему Югу были приняты так называемые «черные кодексы», ставившие формально свободных негров в положение, ничем по существу не отличавшееся от рабского. Против негров был развернут массовый террор. Реакция на Юге торжествовала победу. Достижения буржуазно-демократической революции были поставлены под вопрос.

Все это вызвало законную тревогу народных масс США, кровью которых была оплачена победа в гражданской войне. По всему Северу прокатилась волна митингов, демонстраций протеста. Рабочие, ремесленники, фермеры решительно требовали обуздать зарвавшихся рабовладельцев. Да и негры Юга, многие из которых сражались в рядах федеральной армии и партизанских отрядов против своих господ, не оставались лишь страдающей стороной. Действуя в союзе с радикальными республиканцами, они организовывались, поднимались на борьбу. После временного спада революционной волны начался новый ее подъем. Давление со стороны народных масс заставило обеспокоенную укреплением позиций плантаторской олигархии буржуазию качнуться влево.

В республиканской партии снова начало расти влияние ее радикального крыла, среди представителей которого своей последовательной революционной позицией отличались радикалы-аболиционисты во главе с Т. Стивенсом и Б. Уэйдом. Враги с ненавистью называли их американскими якобинцами. И они своими действиями действительно заслужили это почетное для всех настоящих революционеров прозвище. Состоявшиеся осенью 1866 г. выборы в конгресс, на которых республиканская партия, опираясь на широкие массы рабочих и фермеров, нанесла сокрушительное поражение демократам и завоевала абсолютное большинство

³⁵ Цит. по кн.: В. J. S t e r n, Указ. раб., стр. 37—38.

в обеих палатах, дали радикальным республиканцам возможность перейти в решительное наступление. 20 февраля 1867 г. конгрессом был принят знаменитый Акт Реконструкции. Он начинался торжественным заявлением, что в 10 «мятежных» штатах отсутствуют законные правительства и соответственно гарантии жизни и имущества граждан. В этих штатах вводилось военное положение. Вся их территория разбивалась на пять военных округов во главе с генералами федеральной армии, к которым переходила вся полнота власти и которые имели в своем распоряжении достаточные вооруженные силы, чтобы обеспечить порядок. На командующих округами возлагалась обязанность обеспечить проведение в жизнь разработанного радикальными республиканцами и принятого конгрессом плана революционной реконструкции Юга.

Установленная в южных штатах военная диктатура носила революционный характер, ибо своим острием была направлена против плантаторской олигархии, имела своей целью лишить ее власти. Негры на Юге впервые получили право голоса. Одновременно с этим более 200 тысяч участников мятежа были лишены избирательных прав. Созванные в обстановке революционного подъема новые конституционные конвенции южных штатов выработали буржуазно-демократические по своему содержанию конституции, отменившие всякую расовую дискриминацию. В эпоху революционной реконструкции Юга негры пользовались такими демократическими правами, которых они не имели не только до нее, но которыми они не пользуются и сейчас.

Проведение радикальными республиканцами революционной реконструкции Юга наталкивалось на упорное сопротивление Джонсона, окончательно превратившегося, по выражению К. Маркса, в «грязное оружие рабовладельцев», что неизбежно привело к постановке вопроса об импичменте, т. е. осуждении его и смещении с поста президента республики.

В борьбе, развернувшейся после окончания войны, Морган выступил как последовательный радикальный республиканец, всеми силами отстаивавший план революционной реконструкции Юга. В решающем 1867 г., когда был принят и стал претворяться в жизнь Акт Реконструкции, когда радикалы-аболиционисты все чаще стали ставить вопрос об импичменте Джонсона и когда соответственно особо важное значение приобрели падавшие на осень выборы в законодательные собрания штатов, Л. Г. Морган был выдвинут республиканской партией в сенат штата Нью-Йорк³⁶. Эта кандидатура вызвала особую ярость в стане демократов. Их газеты буквально обрушились на Моргана, стремясь всеми силами скомпрометировать его в глазах избирателей. Непопулярен был Морган и у части республиканцев. Отстаивавшая его кандидатуру газета «Рочестерский демократ» — орган республиканцев, признавая этот факт, видела его причину в той активной и ничем не ограниченной поддержке, которую оказывал Морган проводимой конгрессом политике революционной реконструкции Юга³⁷.

Выступая на состоявшейся в Питсфорде конвенции республиканцев, Л. Г. Морган прямо заклеймил президента Джонсона как предателя, полностью заслуживающего импичмента. Однако в силу того, что тогда не только консервативные республиканцы, но и правые радикалы не были готовы пойти на импичмент, Морган заявил, что, не желая раскалывать силы республиканцев и тем играть на руку демократам, он не

³⁶ М. О. Косвен допустил ошибку, утверждая, что выборы состоялись в 1868 г.

³⁷ В. J. S t e r n, Указ. раб., стр. 40.

настаивает безоговорочно на предании Джонсона суду. Это заявление примирило с его кандидатурой правых радикалов, но не консервативных республиканцев. Он был избран 8626 голосами против 8551, т. е. с разрывом в 75 голосов, в то время как обычное республиканское большинство в этом округе составляло 450—470 голосов³⁸. На следующих выборах, состоявшихся в 1869 г. в обстановке уже начавшегося спада революции и ухода с арены радикалов-аболиционистов, кандидатура Моргана не была даже выдвинута³⁹.

Таким образом, вопреки всем утверждениям, Морган придерживался не правых, а наоборот, самых левых среди республиканцев убеждений. Он был, и это совершенно точно установленный факт, радикальным республиканцем. А быть в то время радикальным республиканцем значило быть революционером, разумеется, буржуазным, но тем не менее революционером. Революционерам в ту эпоху были все радикальные республиканцы, как радикалы-аболиционисты, так и правые радикалы. Однако между теми и другими существовали определенные различия.

Правые радикалы были, если можно так выразиться, революционерами поневоле. Они были революционерами постольку, поскольку только революция могла обеспечить удовлетворение их узкоклассовых интересов. Поэтому когда их цели были достигнуты, они, в конце концов, предали революцию, перестали быть революционерами. Иное дело — радикалы-аболиционисты. Они тоже были буржуазными революционерами, но такими, которые были далеки от защиты своекорыстных интересов буржуазии, которые представляли интересы широких народных масс. К ним в известной степени можно отнести то, что было сказано В. И. Лениным о буржуазных просветителях в статье «От какого наследства мы отказываемся?» «Мы сказали,— пишет В. И. Ленин,— что Скалдин — буржуа. Доказательства этой характеристики были в достаточном количестве приведены выше, но необходимо оговориться, что у нас зачастую крайне неправильно, узко, антиисторично понимают это слово, связывая с ним (*без различия исторических эпох*) своекорыстную защиту интересов меньшинства. Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, *все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренне верили в общее благоденствие и искренне желали его, искренне не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного»⁴⁰.

Искренними защитниками интересов широких народных масс, в том числе освобожденных негров, были Т. Стивенс, Б. Уэйд и другие радикалы-аболиционисты. Они были не просто революционерами, а революционными демократами. Революционным демократом, страстным борцом не только против рабства, но и других видов социальной несправедливости был Льюис Генри Морган. Кроме приведенных выше фактов, об этом красноречиво свидетельствует дневник, который он вел во время своего путешествия по Европе в 1870—1871 гг. Он насыщен

³⁸ В. J. Steg, Указ. раб., стр. 40—41.

³⁹ Утверждение М. О. Косвена, что Морган был забаллотирован, ошибочно.

⁴⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 520.

благородным революционным гневом против социальной несправедливости, хотя и не свободен от некоторых противоречивых высказываний.

В какой бы стране Морган не был, его интересовали не только памятники истории и культуры, но и существующие в ней общественные порядки и прежде всего положение народа. Находясь в Австро-Венгрии, он гневно обрушивается на социальный строй, при котором «массы народа» обречены нести бремя непосильного труда, «чтобы обеспечивать немногих всеми удобствами жизни»⁴¹. «Железная пята аристократии,— продолжает он,— лежит на народных массах и это длится уже веками. В ее руках находится власть, она творит законы и вводит налоги. В результате захвата недвижимости и закрепления ее в руках привилегированного класса люди из народа рождаются уже лишенными обманным путем всех своих истинных прав...»⁴². Морган отмечает долготерпение народа, покорно позволяющего угнетать себя. «Как долго массы будут терпеть это,— записывает он,— это вопрос. Кажется невозможным или почти невозможным изменить институты страны. Люди предпочитают из поколения в поколение терпеливо сносить зло, чем подняться на революцию и прибегнуть к силе»⁴³. Но в таком случае их положение не может измениться к лучшему, ибо бесполезно ждать реформ сверху. «Никогда не бывало,— выражает свое глубокое убеждение Морган,— чтобы аристократия уступила бы в чем-либо иначе, как в мертвой хватке народной революции»⁴⁴. Однако Морган не теряет веры в народ. «Аристократия жестока, своекорыстна и тиранична. Она знает толк в управлении и подавлении, и она с готовностью жертвует всем во имя защиты своих корыстных интересов. Но мщенье народа все же настигнет ее»⁴⁵.

Не менее велика ненависть Моргана к церкви и церковной иерархии, которую он рассматривает как оплот аристократии. «Я повторяю то, что уже писал прежде, а именно, что эта иерархия есть худший из притонов аристократии на земле. Она будет цепляться за старые порядки, даже если все человечество отбросит их. Вместо того чтобы быть наставником людей, иерархия является самым худшим из всех врагов человечества, которые только существовали до сего дня. Реформировать ее невозможно. Топор должен пройти по корням этого дерева несправедливости и срубить его раз и навсегда»⁴⁶. Высмеивая католические святыни, которые он осматривал в Италии, Морган писал: «Признаюсь, что это внушает мне отвращение к христианству как таковому»⁴⁷.

Церковь, по его мнению, представляет собой настолько мощный оплот аристократии, что без ее уничтожения невозможно ликвидировать феодализм. «Революция в Европе,— подчеркивает он,— чтобы быть успешной, должна смести попов и аристократов вместе»⁴⁸. А народную революцию в Европе он считал настоятельно необходимой. «Шторм демократии,— писал он,— необходим, причем не только над Римом, но над Италией и всей Европой, чтобы смести несправедливую земельную систему, которая калечит простых людей, несправедливые законы, которые не дают им шанса помочь самим себе, презренных аристократов,

⁴¹ «Extracts from the European travel journal of Lewis Henry Morgan», p. 325.

⁴² Там же, стр. 327.

⁴³ Там же, стр. 325.

⁴⁴ Там же, стр. 334.

⁴⁵ Там же, стр. 328.

⁴⁶ Там же, стр. 302.

⁴⁷ Там же, стр. 298.

⁴⁸ Там же, стр. 328.

которые лишили их прав в прошлые времена, когда нынешнее поколение еще не родилось, и наконец, последнее по счету, но не по значению, смести эту бесчестную иерархию и все другие иерархии, которые являются прибежищами аристократии, ее апологетами и защитниками и представляют собой наиболее безжалостных и прожорливых аристократов из всех, которые когда-либо плодились в мире»⁴⁹.

Критика Моргана не органичивалась аристократией и духовенством. Бросая обвинение английской аристократии, он в то же время подчеркивает, что не она сейчас является действительным хозяином страны. «Правящей силой» в Англии является «плутократия», в состав которой входят «крупные купцы, крупные мануфактуристы, крупные банкиры», «железнодорожные капиталисты». «Старая аристократия,— пишет Морган,— не сметена только потому, что это разрушило бы принципы, которые слишком дороги плутократии, чтобы она могла позволить так с ними обращаться»⁵⁰. Сохранение ее выгодно для «баронов богатства, лордов коммерции, торговцев и предпринимателей», ибо позволяет им ствдить от себя недовольство народных масс⁵¹.

«В Англии,— замечает Морган,— не будет реформ потому, что массы, народ не имеют мощного класса, который представлял бы в нации великие доктрины равенства и братства всех людей»⁵². В дальнейшем, побывав на рабочем митинге в Гайд-парке, он несколько изменил свое мнение. «Эти митинги,— писал он,— постепенно организуют общественное чувство против существующего порядка вещей, но эта сила еще слишком слаба. Купцы, капиталисты и представители средних слоев держатся подальше от этих митингов, потому что их симпатии на другой стороне. Такие митинги показывают слабость республиканского элемента в Англии. Но когда время придет, если оно придет, рабочие люди поднимутся на купцов и торговцев так же, как и на аристократов, и сбросят их с дороги как одно целое»⁵³.

Крайне показательны для характеристики убеждений Моргана его отношение к Парижской Коммуне. Даже поверив в распространявшиеся буржуазной прессой рассказы о вандализме коммунаров, сознательном уничтожении ими культурных ценностей, Л. Г. Морган тем не менее берет их под защиту и клеймит палачей.

Первое упоминание о Парижской Коммуне мы находим в его записях, сделанных во время пребывания в Берлине в майские дни 1871 г. «Когда я пишу эти строки,— читаем мы,— бесстыдная французская ассамблея кроваво уничтожает этот республиканский элемент во Франции, который хотя и является грубым и неверно руководимым, но должен быть спасен для общего блага нации»⁵⁴. Расправу версальцев над коммунарами он прямо характеризует как «преступление», совершаемое против свободы⁵⁵. Первые его заметки по прибытии в Париж, где он находился с 15 по 26 июня 1871 г., опять относятся к Коммуне. Морган сурово осуждает английскую прессу, которая, питая ненависть к «правительству рабочих людей», изо дня в день убеждала Тьера захватить Париж и покончить с Коммуной, хотя и знала прекрасно, что это приведет к «кровавой бойне»⁵⁶. Но всех больше от него достается француз-

⁴⁹ «Extracts from the European travel journal of Lewis Henry Morgan», p. 297.

⁵⁰ Там же, стр. 263—264.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, стр. 264.

⁵³ Там же, стр. 376.

⁵⁴ Там же, стр. 334.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, стр. 343.

ской буржуазии. «Недавняя резня в Париже после захвата города доказала,— писал он,— варварство нации и свирепость ее правящего класса. Как мне кажется, это не имеет никакого извинения, никакого оправдания»⁵⁷.

Принципами, нашедшими столь яркое выражение в его путевом журнале, Морган руководствовался в течение всей своей жизни. Он выступал против социальной несправедливости везде, где только с ней сталкивался. Это особенно наглядно можно видеть на примере его отношений к американским индейцам.

Еще в молодости, в 1840 г., заинтересовавшись жизнью индейцев, Морган создал общество, получившее название «Великого ордена ирокезов». В процессе исследований ему и его друзьям стало известно о том, что компания дельцов-спекулянтов путем различных грязных махинаций пыталась присвоить земли племени сенека. Как писал впоследствии сам Морган, эти земельные спекулянты «преследовали и травили их (сенека.— Ю. С.)... с такой степенью безнравственности, которой трудно найти параллели в истории человеческой жадности. Не только каждый принцип честности, каждое веление человечности, каждый завет христианства были нарушены этой компанией в ее хищнических проделках, имеющих целью ограбить сенека, но самый гнусный обман, самые бесчестные подкупы, самые мерзкие интриги, которые только могла продиктовать бездушная жадность, использовались среди белого дня против незащитного и многострадающего народа»⁵⁸.

Сенат США принял сторону мошенников, признав присвоенные земли их собственностью. Руководимый Морганом «Великий орден ирокезов» горой встал на защиту индейцев, используя все средства, которые только могли быть в его распоряжении. Морган и его друзья составляли петиции, собирали под ними подписи, поднимали всех честных людей. Сам Морган выехал в Вашингтон, чтобы перенести бой в конгресс. В конце концов он и его сподвижники с огромным трудом добились решения вопроса в пользу индейцев. В признание заслуг Моргана племя сенека в 1846 г. торжественно приняло его в свои ряды.

Участвуя в защите прав индейцев, Морган лицом к лицу столкнулся со всей системой отношений американского государства к аборигенам страны. Свое впечатление от увиденного он выразил в последней главе «Лиги ирокезов»: «Наши отношения с индейцами с основания республики вплоть до настоящего момента поддерживались таким образом, чтобы в конечном счете всегда обеспечить выгоду самому правительству. Что же касается желаний самих индейцев, то они рассматривались как нечто совершенно второстепенное, если вообще когда-либо хотя бы в малейшей степени принимались во внимание. Миллионы, и это правда, расходовались и некоторая видимость справедливости поддерживалась в этих запутанных делах; но во всех основных сделках прибыль всегда была на стороне правительства, а убыток на стороне индейцев. В дополнение к этому, примеры вероломной дипломатии, грубого насилия, чудовищной несправедливости числятся в активе наших дел с индейцами — вечное клеймо позора на гербе нашей республики»⁵⁹.

После опубликования в 1851 г. книги «Лига ирокезов» Морган, занятый своими профессиональными делами, на некоторое время отошел от научной деятельности и тем самым от всего непосредственно связан-

⁵⁷ «Extracts from the European travel journal of Lewis. Henry Morgan», p. 344.

⁵⁸ L. H. M o r g a n, The League of Iroquois, New York, 1962, p. 33.

⁵⁹ Там же, стр. 458.

ного с жизнью индейцев. Как уже указывалось, новый подъем в его научной деятельности начался в 1856—1857 гг. С целью сбора материала о системах родства Морган 1859—1862 гг. предпринял серию путешествий к индейцам Запада и Северо-Запада. Во время этих путешествий он снова столкнулся с фактами, которые не могли не потрясти его. Созданная и субсидируемая правительством система агентов по делам индейцев была полностью поражена коррупцией. «Свидетельства показывают,— писал Морган,— что от нее не только мало проку, что она не только провалилась, но просто позорна по тому аморализму и бесчестности, с которой вершатся все ее дела»⁶⁰. Помимо преступной политики правительства, казнокрадства его представителей на местах, на положении индейцев пагубно сказывалась деятельность торговцев, спиртоносов, шулеров, колонистов. Не были чисты на руку и миссионеры, не упускавшие случая поживиться за счет своих духовных чад.

Морган был не из тех людей, которые ограничиваются лишь выражением негодования. Он стал настойчиво добиваться, чтобы правительство Линкольна назначило его комиссаром по делам индейцев. Морган надеялся, что, заняв этот пост, он сможет покончить с коррупцией и оказать действительную помощь индейскому населению. Однако эта должность была уже обещана одному из политиканов, оказавшему услугу Линкольну во время избирательной кампании. Единственно, что смог сделать Морган, это возглавить комиссию по индейским делам законодательного собрания штата Нью-Йорк.

Надежды Моргана оживились с избранием в 1868 г. на пост президента генерала Гранта, назначившего комиссаром по делам индейцев старого друга Моргана — Эли Паркера, по происхождению индейца-сенека. Но скандалы и коррупция, характеризовавшие президентство Гранта, не пощадили и индейский департамент, и Паркер спустя два года был вынужден подать в отставку.

Но, несмотря на все неудачи, Морган упорно продолжал безнадежную борьбу против политики истребления и ограбления индейцев, не боясь при этом бросить вызов не только правительству, но и общественному мнению. Когда в 1876 г. индейцы сиу уничтожили отряд генерала Кастера, в США произошел настоящий взрыв воинствующего шовинизма и расизма. Американские газеты, изображая Кастера как трагически погибшего героя, а поражение его отряда как учиненную дикарями-индейцами «безжалостную резню», наперебой призывали к кровавому отмщению. По всей стране все большее число американцев прямо-таки истерически требовало крови индейцев, посмеявших поднять руку на белых. И в этот гнетущий момент Морган спас честь американского народа, выступив в «Нэйшн» со статьей «О криках — держи, бей индейцев», в которой решительно взял под защиту сиу.

«Кто,— писал он,— может осудить сиу за то, что они защитили себя, своих жен и детей, когда они были атакованы в своем собственном стойбище и когда над ними нависла угроза уничтожения. Это печальное событие есть просто на просто один из эпизодов войны, которую ведет наше собственное правительство против этих индейцев, и ничего более. Чтобы выявить моральный характер войны, мы должны взглянуть на мотивы, которые побудили правительство ее начать»⁶¹. Бросив прямое обвинение правительству в том, что именно оно намеренно развязало эту кровавую и совершенно несправедливую с его стороны войну, Морган дальше с горечью замечает, что «прежде чем окончится лето мы

⁶⁰ L. H. Morgan, The Indian journals, 1859—1862, p. 138.

⁶¹ L. H. Morgan, Hue-and-cry against the Indians, «Nation», 23, 1876, p. 40.

можем ожидать слухов об уничтожении большой группы этих неразумных индейцев, не желающих вести переговоры об отказе от своих собственных земель на условиях, которые они не могут одобрить, и чье истребление будет рассматриваться некоторыми как заслуженное возмездие»⁶².

В этой и двух других опубликованных в «Нэйшн» (в 1876 и 1878 гг.) статьях Морган в который уже раз обращал внимание на провал правительственной политики по отношению к индейцам и снова призывал к ее решительному пересмотру⁶³. Об этом же говорилось и в его письме к президенту Хейсу от 6 августа 1877 г. Нельзя сказать, чтобы оно осталось совершенно без последствий. Под явным влиянием письма Моргана и его выступлений в печати в ежегодном послании президента конгрессу появились слова о том, что «многие, если не большинство наших войн с индейцами, имеют свою причину в нарушенных обещаниях и несправедливых действиях с нашей стороны», о том, что настоятельной необходимостью является принятие мер по улучшению условий жизни индейцев⁶⁴. Однако все это так и осталось словами. Никаких реальных действий в этом направлении американским правительством предпринято не было.

Как явствует из сказанного, Моргану далеко не все нравилось в жизни американского общества. Однако в том же самом журнале путешествия по Европе, в котором мы находим не только гневную критику аристократии и духовенства, но и резкие выпады против английской и французской буржуазии, Соединенные Штаты предстают как наилучшая из всех стран. «Я буду очень рад,— пишет он в момент, когда его путешествие было близко к завершению,— когда прибуду туда (в Нью-Йорк) и окажусь под Звездами и Полосами. Наша страна — благодатная и благословенная земля. Наши учреждения не имеют себе равных и наш народ более продвинулся по пути разума и процветания, чем какой-либо другой в целом мире»⁶⁵. Конечно, кое-что в этом заявлении можно отнести за счет тоски по родине, охватившей человека, более года прожившего на чужбине. Но основная мысль выражена достаточно ясно.

Американское общество, о котором столь восторженно отзывался Морган, было капиталистическим. Но ошибся бы тот, который на основании всего этого сделал бы вывод, что Морган восторгался капиталистическими отношениями и считал их справедливыми, что капитализм был для него идеальным общественным строем. Дело обстоит совсем не так.

Еще в своей лекции «Диффузия против централизации», прочитанной в 1852 г., Морган обращал внимание на антагонизм в отношениях между трудом и капиталом. «Капитал и труд,— говорил он,— суть две независимые силы, связанные естественными узами, но всегда находящиеся на противоположных сторонах. Капитал весьма склонен обогащаться за счет труда и пользуется любой возможностью, чтобы диктовать труду свои условия... Если принять во внимание, как управляется мир, то совершенно неудивительно, что капитал одерживает победу и держит труд в порабощении»⁶⁶. Так, к сожалению, бывает, но так, по

⁶² Там же.

⁶³ L. H. Morgan, Factory system for Indian reservations, «Nation», 23, 1876, p. 58—59; его же, Indian question in 1878, «Nation», 27, 1878, p. 332—333.

⁶⁴ См. B. J. Stern, Указ. раб., стр. 59.

⁶⁵ «Extracts from the European travel journal of Lewis Henry Morgan», p. 327, p. XXXVIII.

⁶⁶ L. H. Morgan, Diffusion against centralization, Rochester, New York, 1852, p. 23.

мнению Моргана, не должно быть. Один из способов ликвидации такого положения состоит в том, чтобы правительство встало на защиту труда и обуздало «жадные и голодные аппетиты капитала»⁶⁷. Но главный и основной выход Морган видит в том, чтобы все рабочие сами стали собственниками. «Высшая гарантия труда состоит в диффузии капитала... После того как собственность в определенной степени попадает в руки труда, капитал и труд больше не будут в противоположных руках, но соединятся. Труд тем самым окончательно избавится от порабощения и впервые станет действительно и навсегда независимым»⁶⁸. И Морган был глубоко убежден, что процесс превращения рабочих в собственников успешно протекает в США и рано или поздно будет полностью завершен. Уверенность в этом не покинула его и к началу 1870-х годов.

Такого рода иллюзия владела сознанием не одного только Моргана. Она имела самое широкое распространение среди трудящихся масс США, не исключая и американского пролетариата. Всеобщее распространение и длительное бытование этой иллюзии было обусловлено особенностями развития американского капитализма. Важнейшая из них состояла в наличии в США в течение всего XIX в. огромного фонда свободных земель. До тех пор, пока он не иссяк, американский рабочий в принципе всегда мог отказаться от работы по найму и стать самостоятельным хозяином. С этой возможностью вынуждены были считаться и капиталисты. В результате положение рабочих в США было в среднем лучшим, чем положение европейских пролетариев. «Там, — писал В. И. Ленин о США, — рабочий класс, благодаря обилию свободных земель, занял первое место по высоте жизненного уровня»⁶⁹.

Наличие фонда свободных земель, не меняя природы капитализма, в то же время до определенной поры смягчало остроту присущих ему противоречий. Это обстоятельство получило превратное отражение в сознании рабочих и фермерских масс США. Для многих из них переселение на свободные земли выступало не просто как способ превращения определенной числа рабочих в собственников, а как путь, ведущий к обществу, в котором вообще не будет эксплуатации.

Идеи так называемого «аграрного коммунизма» господствовали в американском рабочем движении в течение длительного периода времени. Рабочие принимали самое активное участие в борьбе за обеспечение свободного доступа на государственные земли, завершившейся принятием в 1862 г. гомстед-акта. Принятый под давлением народных масс гомстед-акт носит совершенно явный отпечаток тех утопических идей, во власти которых они находились. В их глазах гомстед-акт был средством избавления от всех социальных бедствий, связанных с капитализмом, средством уничтожения эксплуатации человека человеком. Бесплатность земли должна была создать для каждого возможность стать собственником и тем самым выключиться из системы наемного труда. Запрещение одному поселенцу владеть более чем 160 акрами земли и обязательное личное проживание на участке должны были передать землю только тем, кто ее обрабатывает, сделать земле-владение «трудовым» и т. п. Однако, вопреки всем добрым пожеланиям, гомстед-акт вместо того, чтобы помочь миновать капитализм, объективно создал условия для наиболее быстрого его развития в стране.

⁶⁷ L. H. Morgan, Diffusion against centralization, p. 23.

⁶⁸ Там же, стр. 32.

⁶⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 5, стр. 92.

Но это стало ясным далеко не сразу и далеко не всем. Даже в начале XX в., когда фонд земель, удобных для обработки, был в основном исчерпан, многие мелкобуржуазные теоретики пытались доказать, что в США идет процесс вытеснения капиталистических предприятий «мелкими трудовыми хозяйствами», процесс разложения, исчезновения капитализма. Что же касается периода, следовавшего сразу же за окончанием гражданской войны, то он характеризовался необычайно быстрым увеличением числа мелких самостоятельных собственников. К концу 1860-х годов ежегодно заселялось, согласно гомстед-акту, почти три миллиона участков земли⁷⁰. Все это создавало благоприятные условия для упрочения иллюзии о том, что капиталистические отношения в США представляют собой не основу существующих порядков, а отклонение от нормы, которое неизбежно должно исчезнуть по мере превращения всех рабочих в собственников. В свете сказанного выше вряд ли покажется странным такой, например, факт, что в резолюциях состоявшегося в 1866 г. в Балтиморе учредительного конгресса Национального рабочего союза забастовки как метод борьбы отвергались, а рабочим рекомендовалось переселение на свободные земли.

Если в плену подобного рода утопий находились массы американских рабочих, то вряд ли стоит удивляться, что они владели умом Морганана, бывшего мелкобуржуазным революционным демократом. Вопреки всем утверждениям буржуазных авторов, Л. Г. Морган никогда не был апологетом капитализма. Он длительное время считал американский социальный строй наилучшим из всех существующих потому и только потому, что этот строй, по его глубокому убеждению, делал возможным превращение всех без исключения граждан в собственников и тем самым исключал дальнейшее развитие капитализма.

Но американская действительность не только порождала иллюзии, но одновременно и разрушала их. 1870-е годы в США характеризовались резким обострением противоречий капитализма. Ускоренными темпами шел процесс концентрации производства и централизации капитала. Начали возникать первые монополистические объединения. Экономический кризис 1873 г. и последовавшая затяжная депрессия, сопровождавшаяся понижением заработной платы, локаутами, безработицей, привела к широкому подъему забастовочного движения. Для подавления стачек капиталисты использовали все средства, вплоть до самых гнусных провокаций. На всю страну прогремел процесс, затеянный с целью сорвать дивящуюся с декабря 1874 г. по июнь 1875 г. забастовку шахтеров. Обвинив рабочих в создании тайной террористической организации, власти произвели аресты вожakov. На основании показания наемных шпииков 17 руководителей забастовки были приговорены к смертной казни. 1877 год ознаменовался бурной забастовкой железнодорожников. В Балтиморе, Чикаго, Питсбурге стачечники вели настоящие бои с полицией и федеральными войсками. В Сен-Луи в течение недели вся полнота власти находилась в руках рабочего исполнительного комитета. Брошенные по приказу президента Хейса части регулярной армии беспощадно расстреливали забастовщиков. Сотни рабочих, их жен и детей были убиты, тысячи ранены. Характерными для 70-х годов были и массовые выступления фермеров. Начало их отмечено движением грейнджеров, вторая половина — движением гринбекеров, создавших в 1876 г. самостоятельную политическую партию, к которой в 1878 г. примкнула часть рабочих союзов.

⁷⁰ См. А. Е ф и м о в, К истории капитализма в США, М., 1934, стр. 141.

Если теперь к тому же еще принять во внимание, что именно в это время американская буржуазия вступила в сделку с плантаторской олигархией, позволив ей свергнуть революционные правительства Реконструкции в южных штатах и установить там режим террора, то становятся совершенно ясными причины того перелома в воззрениях Морган, который наметился где-то в середине 1870-х годов и нашел свое выражение в «Древнем обществе». Суть позиции Морган — в развиваемом в книге учении о двух типах, двух планах общества: родовом и политическом.

«Опыт человечества,— писал Морган,—...создал только два плана общественного строя, употребляя слово *план* в его научном смысле. Оба они были определенными и систематическими организациями общества. Первый и более древний представлял собой *организацию социальную*, основанную на родах, фратриях и племенах. Второй и позднейший представлял собой *организацию политическую*, основанную на территории и собственности... Оба эти плана глубоко различны. Один принадлежит древнему обществу, другой — современному»⁷¹. Американское общество, по Моргану, как бы оно ни отличалось, пусть даже в лучшую сторону, от других политических обществ, тем не менее относится именно ко второму и никакому иному типу. А как раз этот второй тип общества Морган и подвергает уничтожающей критике.

Когда мы читаем, что «с наступлением цивилизации рост собственности принял такие громадные размеры, ее формы стали так разнообразны, ее применение так расширилось, а ее использование в интересах собственников так искусно, что она сделалась силой, непреодолимой для народа», что «человеческий ум стоит в замешательстве перед своим собственным созданием», что «гибель общества должна стать конечным результатом исторического поприща, единственной целью которого оказывается богатство; ибо такое поприще содержит в себе элементы своего собственного разрушения»⁷², то совершенно очевидно, во-первых, что Морган критикует здесь не столько классовое общество вообще, сколько современное ему буржуазное общество, во-вторых, что он имеет в виду и американское общество.

Морган нигде здесь не выдвигает американское общество в качестве образца, по которому должны равняться остальные страны, как это он делал в путевом дневнике по Европе. Не выставляет он в качестве панацеи диффузию собственности, превращение всех людей в самостоятельных собственников. Развитие собственности здесь повергает его в тревогу. Его надежды на лучшее будущее человечества состоят не в диффузии собственности, а в установлении контроля общества над ней, в обуздании собственнических инстинктов человека. «Но настанет время,— пишет он,— когда человеческий разум возвысится до господства над собственностью и установит как отношение государства к собственности, которую оно охраняет, так и обязательства и границы собственности. Интересы общества господствуют над частными интересами, причем те и другие должны быть приведены к справедливому и гармоническим отношениям. Голая погоня за богатством не составляет конечного назначения человечества, если только прогресс остается законом будущего, каким он был для прошедшего»⁷³.

⁷¹ Л. Г. Морган, Древнее общество, стр. 38.

⁷² Там же, стр. 329.

⁷³ Там же.

Моргана вообще не удовлетворяет общество, основанное на собственности, на погоне за богатством, к которому относится и американское. Его идеалом является не какое-либо из существующих ныне обществ, а общество совершенно нового типа, нового, третьего плана. «Демократия в управлении, братство внутри общества, равенство прав, всеобщее образование охарактеризуют следующий высший план общества, к которому неуклонно стремятся опыт, разум и знания. Он будет возрождением, но в высшей форме, свободы, равенства и братства древних родов»⁷⁴.

Если принять все сказанное во внимание, то перелом, наметившийся во взглядах Морган в середине 1870-х годов, нельзя охарактеризовать иначе, как шаг от революционного демократизма в сторону коммунизма. Мы уже приводили выше высказывания Ф. Энгельса, в которых содержится характеристика взглядов Морган, нашедших выражение в «Древнем обществе», как коммунистических. Можно привести еще одно. «Морган,— писал Ф. Энгельс в письме к К. Каутскому 16 февраля 1884 г.,— в границах своего предмета вновь открыл марксово материалистическое понимание истории и приходит к непосредственно коммунистическим выводам в отношении современного общества»⁷⁵.

Все изложенное выше дает достаточно оснований для вывода, что Морган — умеренного буржуазного либерала, придерживавшегося правой ориентации, восторженного поклонника капитализма как лучшей из общественных систем, ревностного христианина, далекого от материализма вообще и тем более от материалистического понимания истории — никогда не существовало в действительности. Это — легенда. Не существовало и двух уживавшихся в одном теле Морганов, из которых один был типичным американским буржуа, далеким от каких-либо революционных мыслей в отношении к окружающему, а другой — революционером в науке, сумевшим стихийно подняться до материалистического понимания истории и коммунистических выводов в отношении буржуазного общества.

Был только один Льюис Генри Морган — борец против социальной несправедливости, революционер в науке, автор «Древнего общества» — книги, составившей эпоху. И одно неразрывно связано с другим.

SUMMARY

In literature outside the Soviet Union it is commonly assumed that Lewis Morgan was a typical XIX century bourgeois who worshipped capitalism as the best of social systems, held very moderate political opinions, and was very far from any revolutionary ideas. Such a character stands in direct contradiction to the estimation of Morgan by the founders of Marxism as a thinker who, by his «Ancient society» revolutionized the study of primitive society, who rose to a materialist concept of history and arrived at communist conclusions with regard to contemporary society. For this reason many western researchers call in question the correctness of the above character. Others note the contradiction but make no attempt to explain it.

The article shows that the description of Morgan as a moderate bourgeois liberal and apologist of capitalism is a mere legend. The idea of «Ancient society» had matured and was carried out in the years of the preparation, development and completion of the bour-

⁷⁴ L. H. Morgan, *Ancient society*. Edited by L. A. White, p. 467.

⁷⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 36, стр. 97.

geois-democratic revolution in the USA; the first phase of this revolution was the Civil War between North and South (1861—1865); the second—the Reconstruction (1865—1877). Morgan took an active part in the struggle as a consistent and convinced revolutionary democrat. His revolutionary democratic ideas were most strikingly expressed in his «European travel journal» where he not only stigmatizes feudal usages, the aristocracy, and the clergy but also sharply criticizes the English and French bourgeoisie and defends the Paris Communards. It is true that for a long time Morgan did regard the U. S. social system as the best in existence but only because he was deeply convinced that it would enable all citizens to become property-owners thus eliminating the further development of capitalism. The wreck of this illusion resulted in a fundamental change in Morgan's views in the 1870's; this change found its expression in «Ancient society» and can be characterized only as a step from revolutionary democracy towards communism.
